Наша Газета
nashagazeta.ch
Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Читать Достоевского – это обмениваться крестами | Lire Dostoïevski, c’est échanger nos croix

Автор: Проф. Жорж Нива. (Перевод Н. Сикорской), Эзри-Женева , 12.11.2021.

Картина «На встрече друзей», в центре которой - Федор Достоевский, была написана Максом Эрнстом в 1922 года, вскоре после того, как художник покинул Швейцарию, чтобы встретиться в Париже с Галой Элюар © Courtesy Museum Ludwig, Köln

Мы продолжаем развивать « тему Достоевского » и знакомить вас с размышлениями о великом русском писателе литераторов разных стран. Сегодня слово предоставляется известному французскому слависту, почетному профессору Женевского университета Жоржу Нива.

|

Nous continuons à vous faire part des réflexions des hommes des lettres internationaux au sujet de Féodor Dostoëvski. Aujoud’hui la parole est au slavisant français, professeur honoraire de l’Université de Genève Georges Nivat.

Lire Dostoïevski, c’est échanger nos croix

Можно ли перечитывать Достоевского? На самом деле, нет: его можно только читать. Поскольку при каждом прочтении открываешь новый текст, новый мир, новые раны, нанесенные себе и другим… С Достоевским невозможно то удовольствие от возвращения к тексту, которое испытываешь, перечитывая «Энеиду» или другие великие классические тексты. Прежде всего из-за крайней повествовательной сложности «великого пятикнижия», просто неподъемной для памяти, – в этом смысле роман «Подросток» самый запутанный из всех.

А еще потому, что роман Достоевского неисчерпаем. Все те, кто пытались быть его толкователями, свести к какой-то единой формуле эту громаду текстов, персонажей, противоречий и разрывов, неминуемо терпели фиаско. А уж нехватки в таких попытках точно не было. С самого начала и до сегодняшнего дня. Среди французов это Клодель, Жид, Бретон, Камю, Рене Жирар и многие другие. Среди англичан – гениальный Джон Купер Поуис, среди итальянцев – Романо Гвардини, среди русских Мережковский, Бердяев, Шестов, на японском вышли фильмы Куросавы – везде, везде остается и не дает покоя загадка.

На одной из самых известных своих картин, «Воссоединение друзей», Макс Эрнст расположил русского романиста почти в центре группы сюрреалистов. Вот он, в первом ряду, рядом с самим Эрнстом, Кревелем, Бретоном, Арпом, Десносом, Элюаром, Арагоном и… Рафаэлем Санти… Соседство с последним наверняка доставило бы удовольствие Достоевскому, боготворившему его написанную в 1554 году «Сикстинскую мадонну», которую писатель видел в Дрездене. В конце Второй мировой войны она пережила бомбардировку Дрездена, спрятанная в штольне каменоломни, где и была обнаружена в мае 1945-го Советской Армией. Перед реституцией Германии в 1955 году она была выставлена в Пушкинском музее в Москве, где ее увидел Василий Гроссман и написал свой необыкновенный одноименный рассказ. Отстояв очередь перед входом в музей, Гроссман увидел на этой картине восьмой цвет человеческой радуги, увидел непобедимую человеческую сущность в молодой матери, держащей младенца, которому предстоит быть прибитым к кресту, и вместе с ней – зека с Колымы, ребенка в Треблинке. Гроссман видит «чудную, спокойную» человеческую силу, даже при входе в газовую камеру.

Достоевский жил в Дрездене в 1869–1871 годах, там он узнал об убийстве студента Иванова нечаевцами, там он несколько раз ходил размышлять перед «Сикстинской мадонной», купленной саксонским королем у Папы Римского. В романе «Бесы» Степан Трофимович пишет своей благодетельнице генеральше Ставрогиной: «По вечерам с молодежью беседуем до рассвета, и у нас чуть не афинские вечера <…> мечты всечеловеческого обновления, идея вечной красоты, Сикстинская Мадонна, свет с прорезами тьмы». Тьма – это то, что в «Братьях Карамазовых» Димитрий называет «идеалом Содома», противостоящим Мадонне, демонам, убийству, пожару, беглому каторжнику, юродивому, признанию в изнасиловании девочки… Тут уже не прорези тьмы в свете, но тьма с прорезями света.

Философ Николай Бердяев лучше всех определил провидческий дар Достоевского, позволяющий ему предсказывать нашествие тьмы и бесцельного насилия во всемирном масштабе. Нашествие нацизма в одеждах социализма, сталинизма в одеждах марксизма, людей подземелья, бывших скромных и боязливых людишек, вдруг взобравшихся на ступени трона. И вот уже Великий Инквизитор – не тот, что в рассказе о воображаемой Севилье, который Иван Карамазов читал брату Алеше, чтобы его напугать, но тот, что встал во главе «московских процессов», приведя в движение механизм костров и совершив поджог фабрики ведьм, невиданной за всю историю человечества.

Механизм рухнул, Великий Инквизитор, кажется, исчез, хотя множество мелких инквизиторов и сегодня трудятся посреди войн и сфабрикованных процессов. Остается Достоевский с его непостижимыми пророчествами, противоречиями и признаниями, которые надо уметь расшифровать. Лев Шестов говорил, что Достоевский всегда представал замаскированным, прячущимся за своими персонажами, ведь признание, которое делает Ставрогин священнику Тихону в «Бесах», есть, по сути, не что иное, как крошечная часть непроизносимого признания, спрятанного в глубине всего творчества (не жизни) писателя. В каждом из нас есть свойства палача, говорит Горянчиков, от имени которого написаны «Записки из мертвого дома». Но и тут рассказчик – маска, как и тогда, когда Достоевский приходит в экстаз по поводу «Последнего дня приговоренного к смерти» Виктора Гюго. Еще одна маска – для рассказа о своей несостоявшейся казни на Семеновском плацу в Санкт-Петербурге, 22 декабря 1849 года.

В недавно изданной небольшой книге философ и писательница Юлия Кристева, приехавшая в 1965 году из Болгарии в Париж, рассказывает, как ее отец, увидев, что она собирается читать «Бесов», отговаривал ее. «Разрушительно, дьявольски, привязчиво, полный перебор, тебе совершенно не понравится!» Отец хотел привить ей любовь к французской литературе, к ясности Лафонтена и к свободолюбию Вольтера. Достоевский — это же было «чрево ада», полная противоположность. Юлия ослушалась и была «ослеплена, переполнена, поглощена».

Я открыл для себя роман «Бесы» в великолепном переводе Бориса де Шлоцера в лицее, лет в пятнадцать. Исповедь Ставрогина была опубликована в приложении. Шлоцер хотел перелить в ясный и свободный язык Вольтера «животный» язык «Бесов» – кстати, в то время роман был еще известен под названием «Одержимые». Но там присутствовал Христос, поскольку это он изгнал бесов в свиней, устремившихся в море. Деревенские жители были недовольны, ведь свиньи были их средством к существованию. А мы-то, готовы ли были мы сбросить наших свиней с обрыва? В то время в нашем маленьком подпольном кружке мы читали «Я выбираю свободу» Виктора Кравченко. Внутри нашей «ячейки» книга вызвала острый конфликт. «Бесы» мне помогали…

Варианты портрета князя Мышкина, главного героя романа «Идиот», окруженные

записями плана этого произведения. «Записная тетрадь №3», Женева, 1867 г. (Из: К. Баршт, «Рисунки в рукописях Достоевского», Санкт-Петербург, 1996 г.)

Обмен крестами возникает в романах Достоевского два раза: между Соней и Раскольниковым, между Рогожиным и князем Мышкиным. В православии это действительно частное таинство. В «чреве ада» это – попытка спасения, прощения, обмена грехами и судьбами. Этот обмен призван уменьшить стремление к смерти, к убийству, к «беспричинному поступку», который так завораживал Андре Жида и который был в центре знаменитых лекций о Достоевском, которые он читал в 1921 году в театре Вьё-Коломбье, по случаю столетия со дня рождения русского писателя. На картине Макса Эрнста кажется, что художник тянет Достоевского за бороду, как тянет Ставрогин за нос Гаганова в салоне его матери-генеральши.

Разумеется, это были только мелочи, и вскоре история придала гораздо более зажигательную окраску «Бесам» и другим «провидческим» романам Достоевского, которые Жид понимал довольно плохо. Маркиз де Сад вскоре стал сопровождать Достоевского в венке сюрреализма. Погружение во тьму Соловков, Хрустальная ночь, атомный гриб над Хиросимой придадут куда более инфернальный колорит сочинениям Достоевского.

Мелочи? Действительно, у Достоевского все часто начинается с мелочей. Бегущая мышь, опаздывающий монах, падающая китайская фарфоровая ваза, брызгающий слюной эпилептик, а далее горящий завод, странствующий беглый каторжник, священник, внимательно слушающий подробную исповедь об изнасиловании маленькой девочки. А полоумный, признающийся в преступлении, которого не совершал, а девочка, видящая повсюду маленьких демонов. Мелочи, мелочи… при чем здесь Хиросима?

В романах Достоевского кипят слова, кипит «рынок идей». «Сильные идеи» как клин клином выгоняют друг друга у русского человека. Их прилив захлестнет, уже захлестывает отчужденное сознание. У Достоевского это начинается с «наполеоновской идеи» – не Пьера Безухова, а Раскольникова: просто удар топором по старухе-процентщице, а потом и по ее сестре, ведь старуха – лишь вошь в волосах человечества. Кому до нее дело? Но нет Наполеона без чумных Яффе. Надо позвать «к топору», как хотели террористы 1861 года, и к бомбе, как это сделали народовольцы 1881-го. «Бог знает, что во мне», – говорит Ставрогин. И именно это завораживает – способность все дальше углубляться во зло, в уродство, в ложь, в насилие. И мы углублялись. Обмен крестами ничего не меняет. И кто знает, не смазан ли крест «новичком»…

Вытеснение начинает таять, пишет Кристева, «мокрый снег» во второй части «Записок из подполья» – это именно таяние того, что Фрейд стал называть вытеснением (или репрессией), когда он открыл механизмы психологической защиты. Вытеснение цивилизации, поскольку она зиждется на репрессии. В своем предисловии к «Братьям Карамазовым» Фрейд приходит к выводу, что феномен отцеубийства у Достоевского уже полностью расшифрован, Орест гол! «Все желают смерти отца», – говорит Иван на процессе брата прежде, чем забиться в припадке шизофрении.

Сегодняшний *рынок идей*, миллиарды циркулирующих по миру fake news, атака sms, бессчетные примеры шантажа в YouTube, вспышки фанатизма, охватывающие молодых парней, которые отрезают людям головы и публикуют последнее видео,

прежде чем покончить собой, – все это по-прежнему «море Достоевского», больше, чем когда бы то ни было. Беспричинный поступок Лафкадио Андре Жида – детский лепет! Извращенность ребенка по Фрейду или Максу Эрнсту – все это до репрессии, а не после! Огромное стадо, бегущее к обрыву, которое Жан Жионо видел спускающимся по Альпам, чтобы отправиться на бойню в траншеи войны 1914–1918 годов, – все это еще под влиянием Отца. Отца, сегодня исчезнувшего, как и Мать, хранившая домашний очаг. И даже священника Тихона уже нет сегодня, чтобы выслушать клинический отчет Ставрогина об изнасиловании маленькой Матрены.

Ставрогин сейчас – одинок, может быть, он отправит нам эсэмэску. Но их столько, что мы ее не прочитаем. Вернемся же к «чреву ада», будем читать Достоевского, которого нельзя перечитывать, а можно лишь читать заново, вновь пытаясь выжить в его перекрестных словесных водоворотах. И, по возможности, обменяемся крестами, прежде чем нырнуть.

Об авторе: Профессор Жорж Нива – выдающийся французский славист, почетный профессор Женевского университета, где в течение нескольких десятилетий он возглавлял Русское отделение. Многолетний руководитель коллекции «Славика» в швейцарском издательстве L’Âge d’Homme, автор многочисленных работ по русской литературе и культуре, переводчик А. Белого и А. Солженицына, редактор и автор двухтомного сборника «Урочища русской памяти».

От редакции*: Двухсотлетие Ф. М. Достоевского - центральная тема 17-го печатного выпуска Нашей Газеты, экземпляр которого вы еще можете заказать.*

Жорж Нива
Статьи по теме
Достоевский. Головокружение
Достоевский о Женеве: «Это ужас, а не город!»
О нелюбви Женевы к Достоевскому (Продолжение)
Память о Достоевском в Веве
«Вина и искупление» - спектакль в Schauspielhaus Цюрих по роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»
Жак Медер: «Сон смешного человека» как завещание Достоевского
Смешной Достоевский Франка Касторфа
Гольбейн и Достоевский

Source URL:
https://nashagazeta.ch/news/culture/chitat-dostoevskogo-eto-obmenivatsya-krestami